

A detailed oil painting depicting a soldier in modern military gear, including a helmet and a large tactical backpack, walking away from the viewer through a desolate, war-torn landscape. The ground is covered in dry, yellowed grass and debris. In the background, a large, ornate cathedral with multiple domes and spires stands amidst the ruins of a city. Thick black smoke billows from the left side of the frame, partially obscuring the sky. The overall tone is somber and evocative, capturing the aftermath of conflict.

Александр Аввакумов

Обратной дороги нет

Александр Аввакумов
Обратной дороги нет

«Автор»

2026

Аввакумов А. Л.

Обратной дороги нет / А. Л. Аввакумов — «Автор», 2026

Специальная военная операция. Разведывательная группа, под командованием Студента уходит за линию фронта. Цель: проверка наличия мирного населения в промышленных корпусах военного завода, которые украинское командование использовали для складирования боеприпасов и БПЛА. Ценой жизни разведчиков было установлено, что это дезинформация украинского УСБ.

© Аввакумов А. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	33
-----------------------------------	----

Александр Аввакумов

Обратной дороги нет

От автора

Наверное, я счастливый человек. Мне дважды приходилось бывать на Донбассе, а вернее, в городе Донецке. Первый раз это было в 90-е годы прошлого столетия. Тогда я еще работал в системе МВД, и поездка была связана со служебной деятельностью. Второй раз – в 2016 году, когда по приглашению своего товарища из Екатеринбурга я поехал в те края в составе добровольческого отряда, который принял участие в защите населения Донбасса от украинской агрессии. Тогда мне здорово повезло, меня познакомили с легендарными личностями, которые командовали добровольческими соединениями «Спарта» и «Сомали». Командиром «Спарты» был Арсений Павлов, известный жителям России под позывным «Моторола». Батальоном «Сомали» командовал легендарный командир Михаил Толстых. Его позывной был «Гиви».

Еще тогда я решил для себя, что непременно напишу об этих людях, расскажу об их судьбе, об их героизме. Но, как говорится в народе, если хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих планах. «Моторола» погиб 16 октября 2016 года. Он погиб в результате террористического акта, совершенного украинскими диверсантами по заданию Службы безопасности Украины. В феврале 2017 года выстрелом из огнемёта «Шмель» по кабинету был убит «Гиви». Это был удар по людям Донбасса, которые связали свою жизнь с этими героическими личностями.

Но жизнь еще раз поменяла мои планы, когда в конце октября 2024 года я снова оказался на Донбассе в составе творческой бригады. Было много встреч, знакомств, выступлений перед ранеными военнослужащими. Вернувшись из командировки, я занялся поиском бойцов, которые были комиссованы по ранению. Кто-то из них воевал в составе ЧВК «Вагнер», кто-то – в рядах Российской армии. Все они были добровольцы. Слушая их скупые рассказы о товарищах, погибших и выживших в этой войне, я решил описать их воинские подвиги и дружбу, их веру в победу русского оружия.

Александр Аввакумов

УАЗ неимоверно трясло и швыряло из стороны в сторону. Двигатель машины натружено гудел, и иногда казалось, что еще немного, и он разлетится на куски. Датчик-детектор непрерывно трещал, предупреждая старшего лейтенанта Новикова о том, что в черном бархатном небе висит беспилотник. Узкий луч света метался среди поваленных и опаленных взрывами деревьев. Машина, взревев, словно хищный зверь, мотором, неожиданно резко свернула в сторону и замерла под кроной разбитой взрывом сосны.

– Расслабься, лейтенант! – произнес водитель и громко засмеялся. – Считай, нам с тобой сегодня здорово повезло. Ты знаешь, не всем везет в этой жизни. Вчера мой товарищ здесь погиб, попал под «Бабу-ягу».

Где-то впереди, где темное небо сливалось с темнотой леса, полыхнуло, а затем прогремел взрыв. Эхо подхватило звук взрыва и понесло его по лесополосе, разделявшей два поля, засеянных подсолнухами.

– Вы к нам надолго? – поинтересовался у него водитель.

Шофер хотел рассмотреть лицо офицера, но из-за темноты ничего не увидел.

– Не знаю, как получится. Мы полагаем, а Бог располагает, – ответил Павел. – А что тебя это так волнует, надолго я или нет?

– Просто я вас раньше не встречал в нашей бригаде. Вы наверняка новенький?

– Ты прав, я из штаба армии, поэтому и не видел.

– Давно воюете?

– С самого начала.

– Везучий вы, видно.

– В каком смысле? Впрочем, ты прав. В ЧВК «Вагнер» таких практически не осталось, всех выбили.

– Простите меня, товарищ старший лейтенант. Я подумал, что вы штабист...

Новиков усмехнулся и похлопал водителя по плечу. Тот выжал сцепление, и машина снова помчалась вперед, объезжая воронки и ямы.

«Говорит, везучий!» – подумал Павел. – Дважды был ранен, чуть не потерял ногу. Но все равно вот живу, а многие, с кем воевал рядом, уже давно лежат в земле».

– Главное в этой темноте – не нарваться на «укропов», – произнес водитель. – Их диверсионные группы часто здесь шалят. На той неделе наши пацаны положили их ДРГ здесь.

– Далеко еще? – поинтересовался у него Новиков.

– Не переживай, лейтенант. Долетим. Бог не выдаст, свинья не съест...

– Я не об этом.

Они еще проехали в темноте, как показалось Новикову, около километра, и машина вдруг остановилась.

– Все, лейтенант, прибыли. Здесь до наших позиций с полкилометра. Ты только иди по дороге, ее еще вчера зачистили саперы. С дороги не сходи, там много «лепестков»¹.

– Спасибо, Рябой, – поблагодарил он водителя. – Удачи тебе и везения, как ты говоришь.

– Спасибо, лейтенант. Ты там скажи пацанам, пусть тащат трехсотых. Я их здесь ждать буду. Скоро рассвет, надо успеть вернуться обратно.

Новиков пожал ему руку и направился по дороге. Где-то недалеко ударил по врагу «Град». Десятки огненных комет с шумом устремились в сторону запада. Эти огненные хвосты ракет на какое-то, совсем короткое, время осветили его путь. Павел прислушался. Ему послышались мужские голоса. Он перекинул «Ксиху»² из-за плеча и ловким движением передернул затвор.

«Неужели ДРГ укропов?» – подумал он. – А почему бы им не использовать такую темноту в своих целях? Наши взяли эти укрепления всего несколько дней назад и еще не успели толком обжить эти места».

Голоса стихли. Напряжение росло. В какой-то момент Павел почувствовал, как вспотели его ладони, державшие автомат.

– Стой! Кто идет?!

– Свои, – с неким облегчением ответил он. – Старший лейтенант Новиков из штаба армии. Позови офицера.

– Стой, не двигайся.

Павел слышал шум веток и чьи-то тяжелые шаги. Ждать пришлось недолго.

– Фамилия? – донеслось из темноты. – Назовите вашу фамилию!

Судя по голосу, в котором прослеживались командные нотки, это был офицер.

– Старший лейтенант Новиков.

Вспыхнул огонек фонарика. Луч света сначала уперся в землю под ногами Павла, а затем скользнул по его телу и ударил в лицо. Он прикрыл глаза рукой.

– Здравствуй, лейтенант. Мы вас ждали завтра к вечеру, а вы прибыли сегодня, – произнес мужчина средних лет. – Следуйте за мной.

¹ Противопехотная фугасная мина ПФМ-1, по форме напоминающая лист.

² Автомат АКС 74У.

Свет погас, и снова темнота, словно черный бархат, окутала кусты и деревья. Вокруг тишина, и ни одного огонька.

– Комбрига, к сожалению, на месте нет. Он уехал к соседям, так что придется его ждать, – проинформировал его мужчина. – Кстати, меня зовут Валерий Васильевич. Я начальник штаба бригады.

– Мне о вас рассказывали в штабе армии. Так что с вами я заочно знаком.

– Вот и хорошо. Нам сюда.

Они спустились в землянку.

– Располагайтесь, – произнес Валерий Васильевич и рукой указал на широкую лавку, что стояла в углу землянки. – Мышей не боитесь? Их здесь много.

– Спасибо, к мышам привык. Не тигры, не загрызут, – ответил Новиков, снимая с себя автомат и бронежилет.

Он лег на жесткую лавку и закрыл глаза. Где-то совсем рядом короткими очередями бил «Федор»³. Однако эти выстрелы не помешали ему быстро и крепко заснуть.

Новиков проснулся от какого-то внутреннего толчка. Он открыл глаза и посмотрел на часы, они показывали начало второго ночи. По-прежнему темноту ночи вспарывали короткие пулеметные очереди, но он не обращал на них никакого внимания. Иногда совсем недалеко бухал 120-миллиметровый миномет. Куда он палил ночью, наверное, знал только наводчик. Новиков повернулся на другой бок и закрыл глаза. Однако потревоженный сон не возвращался. Он ворочался с одного бока на другой, но заснуть не мог. За деревянной стенкой шуршали и пищали мыши. Павел почему-то вдруг вспомнил, как он оказался на этой войне, называемой политиками специальной военной операцией.

Впервые мысль записаться добровольцем пришла ему в голову весной 2022 года, после окончания института, однако серьезно подумать об этом все время как-то не получалось. Павел был единственным мужчиной в семье. Его отец оставил их с матерью, когда ему исполнилось всего четыре года. Павел даже не помнил, как выглядел его отец, но, со слов матери и соседей, он был мужчиной видным, красивым, с непредсказуемыми поступками. При наличии у него семьи и ребенка он завербовался и уехал в Сибирь добывать для Родины нефть, где встретил свою очередную любовь, с которой связал свою дальнейшую судьбу. За все эти годы он ни разу не поинтересовался, как живут оставленные им жена с ребенком. Чем это было вызвано, можно лишь догадываться. Когда человеку хорошо, он редко думает, что кому-то может быть плохо, что кто-то нуждается в его любви и ласке.

После окончания института Новиков решил попробовать себя в бизнесе. Он устроился в одну компанию, каких в Казани было достаточно, и стал усиленно продвигать товары, изготавливаемые этой компанией, в торговых сетях республики. Он очень хотел разбогатеть. По всей вероятности, это желание жило в нем с детства, так как они с матерью всегда испытывали нужду. Павел не брезговал никакой работой, которая приносила бы ему хороший доход: он оставался после работы, старался всегда быть на виду у руководства компании, был безотказным даже тогда, когда от работы отказывались практически все сотрудники компании. Его хвалило руководство, ставили в пример другим сотрудникам. Однако все эти усилия не принесли желаемого результата.

– Павел! – однажды обратился к нему один из сотрудников. – Куда ты все время рвешься? Хочешь стать начальником? Пойми, как бы ты хорошо ни работал, ты никогда не станешь директором этой компании.

³ Крупнокалиберный пулемет «Утес».

– Почему? – спросил он. – Хозяином, конечно, я не стану, но директором компании стать могу. Ты думаешь, что хозяин не знает обо мне? Знает, я уверен. Однажды он обратит свое внимание на работу нашего директора, на то, что тот приходит к обеду и уезжает после трех часов дня, когда самая работа.

Приятель улыбнулся. Ему было смешно слышать все это от новенького сотрудника.

– Если директор поймет, что ты начинаешь наступать ему на пятки, он просто сольет тебя. Ты здесь не первый такой, кто оказался впоследствии за дверью. Так что тебе мой совет: не пытайся поднять то, что тебе не по силам, можешь надорваться.

Тогда Новиков не придавал особого значения этому разговору, но вскоре все, о чем говорил коллега, стало обретать реальные черты. Его стали грузить сверхурочной работой. Приходилось не только работать в офисе, но и брать работу на дом. При этом его оклад по-прежнему оставался без изменения. Однажды, когда он в очередной раз задержался в офисе, к нему подошел директор.

– Почему вы, Новиков, задерживаетесь на работе? – спросил он Павла.

– Работы много, Валерий Михайлович. Мне кажется, что за последнее время объем моей работы вырос раза в два, если не больше. Я работаю весь день, остаюсь после окончания рабочего дня, а ее меньше не становится.

– Это вам не Советский Союз. У нас нет профсоюза, который бы следил за нагрузкой сотрудников. Если вас лично что-то не устраивает, если вам тяжело, то руководство компании непременно пересмотрит условия трудового договора. Нам не нужны сотрудники, которые не могут осуществлять свою деятельность в отведенное законом время.

– Как же так, Валерий Михайлович? Вы же хорошо знаете, что я качественно выполняю свою работу, и у заказчиков никогда не было претензий.

– Это ничего не меняет, Новиков. Мне тут подсказали, что вы недовольны работой руководства. Мне это все не нравится. Сотрудники не должны обсуждать работу руководства, давать ей оценку.

– Я никогда ничего подобного не говорил. Вас кто-то ввел в заблуждение, Валерий Михайлович...

– А сейчас идите домой. Мне не нужно, чтобы вы демонстративно показывали свое усердие. Идите.

Новиков проводил взглядом директора и, сложив бумаги в металлический ящик, направился с работы домой. Это был первый и последний разговор с работодателем. Через неделю ему вручили конверт с уведомлением о расторжении с ним трудового договора.

...Где-то совсем рядом с шумом разорвался украинский снаряд. С потолка блиндажа посыпался песок. Новиков повернулся на другой бок и с головой укрылся курткой. За дверью блиндажапрошли несколько бойцов, переговариваясь вполголоса. Снова раздалась очередная короткая очередь «Утеса», и стало на какой-то миг тихо, словно эта очередь напугала войну.

Павел шел по улице, прокручивая в голове все обстоятельства своего увольнения.

«Что делать дальше? Как жить дальше? Почему директор компании посоветовал мне искать новую работу вне города?» – размышлял Новиков, пытаясь найти решение внезапно возникшей проблемы.

Неожиданно взгляд его упал на плакат, который ярким пятном выделялся на пестрой от объявлений тумбе. На плакате был изображен красивый молодой человек, призывающий записываться на контрактную воинскую службу.

«А почему бы и нет? – промелькнуло у него в голове. – Военная кафедра института за спиной, как-никак офицер запаса».

Он свернул в сторону и направился в военкомат, который находился в двух кварталах от его дома

– Вам кого? – поинтересовался у Павла, дежурный офицер. – По какому вопросу хотите обратиться?

Новиков немного смутился.

– Хотел бы заключить контракт на службу в армии. Мне к кому обращаться? Где это все оформляется?

Майор с интересом посмотрел на него. Во взгляде военного читалось неподдельное любопытство.

– А ты вообще-то хорошо подумал над своим решением? – поинтересовался он. – Там ведь не будет мамочки и сопلي некому будет вытирать. А я ведь тебя знаю, парень! Ты с моим сыном Олегом в одном классе учился, в тридцать второй школе.

Павел с удивлением посмотрел на майора. Он был на сто процентов уверен, что никогда не встречался с этим человеком.

– Дело в том, что я офицер запаса. В этом году я окончил институт, – словно оправдываясь перед ним, ответил Павел.

– Вот что я скажу тебе, парень. Сегодня все члены комиссии выехали в Нижнекамский район. Если не изменишь решение, приходи завтра к девяти часам. Только ты подумай хорошенько над своим решением. Это война, а там стреляют. Если честно, то мне тебя жалко. Видно, что-то случилось с тобой, что ты решил прийти сюда?

– Почему вы так решили, товарищ майор? А вдруг я из тех, кто готов отдать свою жизнь за интересы родины?

– Дурачок ты, а не патриот. Они об этом не кричат, а молча, погибают в траншеях. Еще раз: если не передумаешь, то приходи завтра.

Поблагодарив дежурного офицера, Новиков вышел из военкомата и направился домой. Дома никого не было. Мать еще с утра уехала к дальней родственнице, которая тяжело заболела, и хотела заночевать у нее.

«Интересно, что скажет мать, когда я ей сообщу о своем решении заключить контракт с армией? Одобрит это решение или нет? Наверняка нет, – рассуждал Павел. – Сейчас идет война, а это прямая дорога на фронт».

Взгляд Павла машинально упал на портрет деда, что висел на стене. Он родился после его смерти и поэтому знал о нем лишь со слов матери. Из ее рассказов он знал, что дед ушел на войну в семнадцать лет, приписав себе лишних два года. Был участником тяжелых сражений на Курской дуге, освобождал Минск и штурмовал Кенигсберг. Он был одним из полных кавалеров Ордена Славы.

«Вот дед наверняка не спрашивал свою мать о том, идти ему на войну или нет. Пошел и записался добровольцем. Почему же я должен спрашивать у нее разрешения? Там, на Донбассе, идет война, гибнут сотни мирных людей, среди которых много женщин и детей. Я, здоровый, сильный молодой человек, почему должен спокойно наблюдать за этими событиями? Если мы не встанем стеной, как вставали наши деды в годы войны, война может докатиться и до нашего порога», – решил он.

Он открыл свой ноутбук и быстро набрал «ЧВК “Вагнер”». Первый, к кому он обратился, был человек с позывным «Баварец». Как ни странно, Баварец ответил довольно быстро, наверное, просто сидел у компьютера. Насколько Павел понял, он в компании занимался набором добровольцев. Баварец предложил Новикову приехать на сборный пункт и пройти медкомиссию. Это было столь неожиданно, что Павел даже растерялся, услышав приглашение.

– Приезжай в Молькино, это Краснодарский край, на месте и определимся. Насколько я могу судить, ты молодой и в армии не служил. Это так?

– Вы угадали. Я недавно окончил институт. У нас там была военная кафедра.

Баварец быстро напечатал:

– Наверняка ракетчик?

– Как вы угадали?

– Вот видишь, угадал, – печатал он. – Другим воинским профессиям в институте, я знаю, не учат. Ты не переживай, мы тебя здесь научим многому, так что станешь настоящим мужчиной.

– Хорошо. Тогда я буду увольняться с работы.

– Валяй, – появилась на экране запись.

На самом деле Новиков просто использовал это как предлог для отсрочки вступления в этот самый «Вагнер», так как в глубине души, он, конечно, боялся. Среди народа ходило много слухов, что контингент там не особо приятный – наемники, уголовники, убийцы, мародеры и так далее.

Павел все откладывал и откладывал свой разговор с матерью. Наконец, выпив для храбрости полстакана водки, он сообщил матери, что решил поехать на войну. Он говорил долго, страстно, объясняя ей, что он не может сидеть дома, когда где-то совсем рядом идет война. Он немного сбавил тон, заметив в глазах матери слезы.

– Ты, главное, мама, не переживай. Пойми меня правильно, я не могу дома сидеть, когда враг убивает стариков, детей и женщин. Я хочу пройти тот путь, что прошел мой дед. Если ты не дашь мне добро, я все равно уеду, я решил так...

Мать поднялась из-за стола и подошла к Павлу.

– Езжай, если ты так решил. Будь настоящим мужчиной...

Она снова заплакала и прижалась к его плечу.

– Ты, мама, главное, не переживай за меня. Если останусь в живых, я обязательно вернусь.

Он не договорил. Какой-то непонятный комок подкатил к его горлу. Ему стало тяжело дышать. В этот миг он почувствовал, как дорог ему этот человек, чьи руки так нежно обнимали его плечи.

– Когда едешь? – спросила она его.

– Завтра вечером.

Дорога до Молькино заняла около трех суток. Доехав до Москвы, он пересел на поезд, идущий в Краснодар. Все это время Новиков старался не думать о доме, о матери, гнал от себя мысли о возможной гибели на войне. В дороге его тревожили лишь звонки его товарищей. Все они хорошо понимали, что он поехал в «Вагнер» из-за денег.

– Павел! Ты хоть сам-то понимаешь, под чем подписался? Это же «Вагнер»! Ты знаешь, кто там воюет? Там же все отбросы нашего общества, грабители и убийцы. Они всегда на «передке»! Они же сродни штрафбату, что воевали в Великую Отечественную войну!

Товарищ на какой-то миг замолчал и, словно снова набравшись сил, продолжил:

– Я вот тут с ребятами поговорил, они готовы тебе помочь. Собрали для тебя немного денег. Я думаю, что их бы тебе хватило на первое время, пока ты не нашел бы работу по душе.

– Слушай, Олег! Пойми меня правильно, деньги – это, конечно, хорошо, но я еду не из-за них. Я мужик, и мое главное дело – это защищать родину, свой дом.

Олег громко засмеялся. Новиков моментально представил его покрасневшее от смеха лицо.

– Какая родина, Павел?! Какой дом?! Ты хоть понимаешь, о чем ты говоришь? Есть армия, это государственная структура, предназначенная для защиты государства. Там генералы, офицеры, они за это деньги получают, чтобы защищать нас! Тоже мне патриот нашлся.

– Олег! Придет время, и ты поймешь, что был неправ. Впрочем, я все решил, и все твои попытки отговорить меня от «Вагнера» бесполезны.

– Дурак ты, Новиков! Ты хоть мать свою пожалей! Там же война, там стреляют, а значит, могут и убить!

– Прекращай, Олег, я больше не хочу разговаривать на эту тему. Передавай привет ребятам!

Новиков отключил телефон и посмотрел на соседа по купе. Тот был из Якутии и тоже, как и он, ехал в «Вагнер».

– Я смотрю, ты крепкий мужик, хотя и смешной. Кому ты рассказываешь о родине? Он наверняка и не знает, что такое родина. Для них там, где хорошо, где есть деньги, там и родина. Ты сам решил записаться в «Вагнер» или тебе кто-то подсказал?

– Как тебе сказать? Хотел подписать контракт с Министерством обороны, но как-то не получилось. Вот и подался в «оркестр».

Локомотив протяжно засвистел. Якут поднялся с лавки и стал собирать свои вещи, укладывая их в большой рюкзак.

– Чего расселся? – спросил он Павла. – Или, может, передумал?

– С чего ты взял, что я передумал? Я свои решения так быстро не меняю.

– Вы все такие, городские. Сначала согласитесь, а затем на тормоза. Вот мы – люди с Севера, у нас все по-настоящему, сказал – ответь за сказанное...

– Не переживай, Якут, я не такой, назад пятками не хожу.

Якут улыбнулся. Его и так узкие, словно щель, глаза, превратились в амбразуры, в глубине которых сверкали огоньки. Взглянув на него, Павел невольно улыбнулся и начал быстро собирать свои вещи. Состав лязгнул стальными буферами и стал тормозить. Наконец, поезд резко дернулся и остановился. Мимо окон вагона замелькали люди, которые кого-то встречали, другие, наоборот, провожали.

– Ну что, пошли, – тихо произнес Новиков, взглянув на соседа. – Ты прости меня, друг, трое суток в одном купе, а я даже не знаю, как тебя зовут. Все якут и якут...

– Меня зовут Иван, – коротко ответил он. – Впрочем, можешь называть меня, как и прежде, Якут. Я не обижаюсь.

Они вышли из вагона и остановились нерешительно на перроне.

– Привет, пацаны! Куда путь держите? У меня тачка за углом, могу подбросить до адреса.

– Нам в Молькино, – ответил Павел. – Это далеко отсюда?

– Не близко. Две пятьсот с носа и поехали, – ответил водитель.

– За пятерку тысяч? Дорого будет, – ответил Иван. – Не на себе же повезешь.

– Разве это дорого? Дешевле едва ли найдете... Обратно ведь порожняком, клиентов нет.

– Мы подумаем, – ответил Павел и посмотрел на товарища.

– Думайте, пацаны, думайте. Надумаете – позовете.

Водитель сплюнул на асфальт и направился дальше по перрону, предлагая свои услуги. Новиков достал из кармана телефон и стал быстро набирать номер «Яндекс такси». Машина прибыла минут через пятнадцать. Взглянув на неказистое «Рено» с побитым правым крылом, Иван скептически посмотрел на Павла.

– Мог бы и лучше выбрать автомобиль. Жадность – характерная черта городских пацанов, – произнес Иван. – Нет у вас широты души...

– Да пошел ты, с широтой души.

Они сели в машину, и та стрелой совалась с места и понеслась к выезду из города. Вскоре они доехали до первого шлагбаума, около которого стояли несколько мужчин, одетых в камуфляжную форму. Один из них подошел к их машине.

– Новенькие?

– Угадал.

– Телефон есть? Звони куратору, пусть встречает.

Якут вышел из машины и, достав из кармана телефон, стал звонить. Закончив говорить, он посмотрел на Новикова.

– Ты, Павел, куда хочешь записаться? – поинтересовался у него Иван.

– Пока не решил. Я же не служил, и у меня военной специальности как таковой нет. Вторых, нужно еще медкомиссию пройти. Больных, насколько я знаю, они не берут...

Якут усмехнулся.

– А я вот хочу в штурмовики, там жизнь яркая. Давай со мной, вдвоем проще будет.

– Можно и в штурмовики. Какая разница, как погибать...

– Это ты брось. Жить нужно, Павел, жить.

Ждать пришлось недолго, вскоре к КПМ подкатил УАЗ. Из машины выбрался мужчина средних лет и, улыбаясь, направился в их сторону.

Машина подкатила к шлагбауму, около которого стояли несколько мужчин, одетых в камуфлированную форму с шевронами на рукавах ЧВК «Вагнер». Один из них, с автоматом на груди, подошел к автомобилю. Увидев знакомых ему людей, лениво махнул рукой. Медленно поднялся шлагбаум, и машина въехала в летний лагерь «Вагнера». Судя по стоявшим в ряд палаткам, лагерь был довольно большим и, по всей вероятности, был рассчитан на тысячу или более человек. Когда машина остановилась, сопровождавший их мужчина обернулся к ним.

– Вот ваша палатка, можете располагаться в ней. Медосмотр и все остальное, связанное с зачислением в компанию, завтра с утра. Прошу соблюдать дисциплину, хождение по лагерю запрещено. Туалет, умывальник – за палаткой. Усвоили?

Они кивнули.

Утро началось с построения. Инструктор прошел вдоль строя вновь прибывших мужчин, вглядываясь в каждое лицо, словно пытаясь понять, кто перед ним стоит. Павел выдержал его взгляд, хотя тот был таким тяжелым, что многие курсанты, как их назвал инструктор, отводили глаза в сторону. После сытного завтрака их строем повели на тестирование. Каждый курсант должен был десять раз подтянуться на перекладине и отжаться от пола не менее сорока раз. Тот, кто не мог выполнить этот норматив, отходил в сторону. Якут и Павел выполнили норматив.

– Те, кто выполнил норматив по физической подготовке, – построиться, – приказал инструктор.

Новиков невольно удивился тому, как поредел их строй. Тест по физической подготовке прошел лишь одна треть.

– Проредили, – тихо произнес Якут, обращаясь к Павлу. – Это лишь начало.

Их завели в большую палатку, в которой находилась санчасть лагеря. Новиков внимательно наблюдал за тем, как курсанты сдавали кровь. Как он понял, здесь они проходили тест на выявление больных гепатитом и ВИЧ. Результаты анализов поступали быстро. Тем, кто был болен ВИЧ и гепатитом, вешали на руку два браслета – белый и красный. Затем очередной осмотр. Он заметно отличался от осмотра в гражданских больницах. Здесь тебя фотографировали, описывали татуировки, шрамы и так далее. Мелочей при подобных осмотрах врачи не допускали, каждый курсант проходил через них, как через рентген. Здесь снова группа потеряла несколько курсантов.

– Да я здоров как бык! – возмутился один из курсантов, мужчина высокого роста. – Что вы там пишете херню всякую?!

– Вы хотите опротестовать решение? Возвращайтесь обратно в Краснодар, пройдите там данное обследование и привезите нам этот результат. Другого выхода у вас нет.

Мужчина снова попытался что-то сказать врачу, но его разговор резко оборвал инструктор.

– Вам что-то непонятно?

Курсант замолчал и вышел из палатки.

Тех, кто прошел тестирование, разместили в отдельной палатке. Вечером к ним зашел инструктор. Он поздравил их с первой победой и присел на лавку, которая стояла у стола.

– Поздравляю вас. Все вы молодцы. Завтра мы займемся оформлением документов.

– Можно вам задать вопрос? – обратился к нему Новиков.

Инструктор усмехнулся. По всей вероятности, Павел был не первый, кто решился обратиться с подобной просьбой к инструктору.

– Валяй!

– Скажите, как поступают с теми людьми, кто не прошел отбор? С ними не заключают договора о контракте?

– С теми, кто не прошел тестирование, заключается контракт, и они направляются в специальное подразделение «Амбрелла».

– Это что за подразделение? – спросил инструктора Якут.

– Это те, которые идут впереди всех. Вы заметили, что среди вас нет ни одного ранее судимого? Это потому, что все они автоматически приписываются к этому подразделению. Эти люди делают основную работу на войне. Судимых здесь кто-то назвал «кашниками», от «автомат Калашникова», это название так и закрепилось за ними.

– Скажите, эти «кашники» тоже будут тренироваться с нами? – спросил кто-то из курсантов.

– Нет. У них, в отличие от вас, нет тренировок. Их учат лишь разбирать и собирать автомат.

– А как с теми, у кого выявлены болезни?

– Их тоже не учат. Запомните раз и навсегда правила нашего ЧВК: если человек больной, то никакого отношения к простым людям не имеет. Если с ним что-то случится, а у него на руке красный или белый браслет, вы к нему не должны подходить. Вы это поняли? К нему может подойти лишь санитар, который тоже больной.

В палатке стало тихо. Наверное, каждый из присутствующих по-своему воспринял это известие.

– Но это же несправедливо, – произнес мужчина средних лет с большими залысинами.

– Почему несправедливо? – отреагировал инструктор. – Все по инструкции. Кто только сюда не едет, зная, что болеет. Вы же сами видели, что есть и те, кто скрывает этот факт. Как правило, им предлагают два варианта: или ты возвращаешься домой, или идешь в «Амбреллу». Вы не поверите, но люди, как правило, выбирают второй вариант, так как многие из них уверены, что все равно проживут с такой болезнью не так долго, а им нужны деньги. Это первое. Во-вторых, здесь он умрет как герой, если не побежит назад. Здесь так просто никто ни за что не платит. Если побежал назад, ни копейки не получишь. Многие из них знают это и поэтому готовы умереть, чтобы помочь своей семье.

Инструктор замолчал и полез в карман за сигаретой. Он закурил и посмотрел на сосредоточенные лица будущих бойцов ЧВК «Вагнер».

– Вы, наверное, заметили, что до прохождения тестов ни с кем не подписывается контракт. Каждый из вас волен, как ветер: можешь уехать домой, можешь остаться. У каждого из вас за спиной семья, и всякий, я думаю, хочет вернуться домой с деньгами. Я не буду скрывать, что девяносто девять процентов пришли в ЧВК за деньгами. Идеальных людей здесь нет, они все в Министерстве обороны.

– Скажите, что получит семья в случае гибели?

Инструктор усмехнулся.

– Что-то я не понял вашего вопроса. Вы еще ничего не сделали для компании, а уже спрашиваете о льготах в случае гибели. Жить нужно, мужики, а не думать о смерти.

– Но все же...

– В договоре указано, что сто пятьдесят тысяч рублей дадут родственникам на похороны. Это не все. Компания оплачивает все затраты на ритуальные услуги и переправку тела. Контракт еще предусматривает выплату пяти миллионов за смерть. Это страховка. Есть еще вопросы? Если нет, то я пошел. Встретимся завтра.

Инструктор встал с лавки и вышел из палатки.

Утром, после завтрака, все строем направились к палатке, в которой находилась канцелярия компании.

– Куда будешь записываться? – спросил Новикова Якут. – Я в штурмовики двинусь, а ты?

– Мы же договорились, что будем держаться вместе. Куда ты, туда и я, – ответил Петр.

Новиков вошел в палатку и сразу направился к свободному столу.

– Фамилия? – спросил его инспектор, мужчина с копной седых волос на голове.

– Новиков.

Порывшись в бумагах, он достал его тоненькую папочку.

– Сядь вон за тот стол и заполни анкету. Перечисли всех своих родственников, их адреса проживания, места работы. Если что-то непонятно, обращайся.

Павел сел за стол и, взяв в руки ручку, начал заполнять анкету. Она оказалась довольно объемной, с множеством различных вопросов. Заполнив ее, он подошел к инспектору. Мужчина взял в руки документ и начал читать. Он иногда отрывался от текста и бросал на него удивленный взгляд.

– Странно, – в полголоса произнес он. – Доброволец, неженатый, несудимый. Ты, наверное, еще не совсем понимаешь, куда ты попал. Это частная военная компания, а не ночной клуб.

– Я это знаю. Можно подумать, что я у вас первый такой...

– Лично у меня первый. Кем хочешь воевать? Танкистом? Артиллеристом?

– Запишите меня в штурмовики, – ответ Павла вновь вызвал неоднозначную реакцию у мужчины.

– У тебя же высшее образование! Ты ракетчик, значит, артиллерист по-нашему. Зачем же ты рвешься туда, где цена жизни – копейка? Впрочем, дело твое. В штурмовики так в штурмовики. С этого момента у тебя больше нет фамилии, есть лишь позывной. Давай мы тебя запишем Студентом. А что? Неплохо звучит! Зачисляю тебя в первую группу.

Новиков кивнул. Он еще не понимал, что такое первая группа.

– Иди. Больше я тебя не задерживаю. Твой командир – Блоха.

– Почему Блоха?

– Узнаешь позже.

Группа Блохи располагалась в дальнем углу лагеря. Новиков шел к палаткам, нес в руках баул с полученной формой. Заметив бойца, Петр поинтересовался у него, где можно найти командира.

– Новенький? Как зовут? – поинтересовался у него мужчина. – Вон его палатка, крайняя.

– Студент. Спасибо.

Павел вошел в палатку и, заметив мужчину средних лет, представился ему. Тот в ответ засмеялся.

– Блоха сейчас на полигоне, гоняет молодежь. Я дневальный. Пойдем, я покажу тебе твое место.

Они вышли из палатки и направились вдоль тропинки, что шла между палатками.

На другой день всех новеньких Блоха вывел на полигон. Все началось с кросса, мы бежали пять километров в полной выкладке: в бронежилетах, с вещевым мешком за плечами, в котором находились боеприпасы. Каска то и дело сползала на глаза, и стоило бежавшему впереди бойцу замедлить бег, Новиков невольно налетал на него. Было тяжело. Павлу до этого приходилось бегать кросс, когда он учился в институте, тогда дистанция была десять километров, сейчас она была в два раза короче, но бежать ее оказалось значительно сложнее.

– Быстрее, быстрее, – следовала одна команда Блохи за другой. – Чего заснули? Быстрее!

Добежав до финиша, Новиков повалился в пыльную траву. Видно, от большой физической нагрузки его вырвало. Он обернулся назад, финишную черту преодолели лишь несколько человек, в том числе и Якут. На вечерней поверке подразделение не досчиталось несколько человек. Похоже, они все «спятисотились», то есть сбежали, не выдержав нагрузки. Ночью Новикову не спалось, болели ноги и ломило спину. В голову лезли разные мысли, но основной была лишь одна – это бежать, пока не умер от этого кросса. Он заснул лишь на рассвете.

– Подъем! – громко закричал Блоха, заглядывая в палатку. – Стройся!

Строй получился неровным. Грязные, заросшие щетиной, они больше были похожи на каких-то бомжей, чем на бойцов ЧВК. Блоха, мужчина небольшого роста, суховатый, жилистый, был похож на сжатую до предела пружину.

– Что, тяжело? Я и так вижу, что тяжело. Это вам не заводкой в соседний магазин бегать. Здесь нужна физуха. Алкаши здесь не выдерживают и добровольно переходят в «Амбреллу». Желаящие покинуть подразделение есть?

Из строя вышли два человека.

– Это хорошо, что только двое, я думал, будет больше.

Он остановился напротив Новикова и уперся ему в грудь своим крючковатым пальцем.

– Ты, Студент, моложе всех, наверное, поэтому и бегаешь, словно лань.

Павел не знал, что ответить, и поэтому решил промолчать.

– Сейчас снова побежим. В этот раз дистанция будет не на выносливость, а на скорость. Вон видите на поле шины? Нужно будет добежать до них и вернуться обратно. Зачет по самому плохому результату. Не уложите в норматив – побежите снова и так до тех пор, пока не научитесь бегать. После обеда – стрельбище.

С каждым днем, проведенным в лагере, росла интенсивность тренировок. Не все могли выдержать возрастающую с каждым днем нагрузку. Отдельных курсантов уносили на носилках в санчасть. Заметно росло количество «пятисотых», однако Блоху эти бойцы уже не интересовали. Здесь, с его слов, слабаков не уважали, и этим людям ничего не оставалось, как уезжать домой или подписываться на черновые работы. Это было связано с тем, что отказники должны были выплатить компании стоимость полученного ими обмундирования. Подобный пункт был зафиксирован в контракте. Те, кто не мог расплатиться, должны были отрабатывать. Их использовали в оцеплении полигона, уборке туалетов, уборке территории, мытье техники.

Павел быстро освоился. Блоха часто приводил его в качестве примера, и эта похвала командира многим бойцам не нравилась.

– Никак Студент в местные генералы нацелился. Посмотрим, что будет на фронте. Там бегать будет не нужно.

Новиков отлично понимал, что бывает на фронте. Там легко можно получить пулю в спину от своего же товарища. Это в какой-то степени пугало его, но жить и делать по-другому он не мог. Он с каким-то непонятным страхом ждал окончания первоначальной подготовки и отправки их на фронт. Наконец, Блоха сообщил им, что обучение подразделения окончено, и завтра их распределят по подразделениям, чтобы в ближайшие дни отправить на фронт. Он и Якут попали в одну штурмовую группу, которая называлась «Штурм Z».

Кто-то с шумом вошел в блиндаж и остановился у порога. В свете свечи, сделанной из пустой банки из-под тушенки, мужчина показался Новикову очень высоким, с грубыми чертами лица. Это был командир бригады, которому доложили о прибытии офицера разведки из штаба армии.

– Кто Новиков? – громко произнес он.

Павел сбросил с себя куртку и поднялся с лавки.

– Значит, это ты? – спросил мужчина. – Подполковник Лавров. Пошли со мной.

Они вышли из блиндажа и направились к землянке подполковника.

– Мне еще вчера звонили в отношении тебя из штаба армии. Это правда, что ты из бывшего «Вагнера»?

– Да. Начинал там, – ответил Павел. – Почему вы меня об этом спрашиваете?

– Просто интересно. Ваши бойцы ушли, сейчас, я слышал, уже в Африке, а ты здесь остался. Что не уехал?

– Я пришел защищать родину.

– Идеальный? Это хорошо.

Новиков не ответил. Он хорошо знал, что служба в «Вагнере» вызывала у некоторых военных отрицательные эмоции. Похоже, подобное отношение было и у подполковника Лаврова. Они вошли в землянку. Подполковник снял головной убор и повесил его на торчавший из доски гвоздь.

– Присаживайся, лейтенант, – произнес он и рукой указал на лавку. – Чай будешь?

– Не откажусь, товарищ подполковник.

Лавров взял в руки рацию и попросил принести чай. Он перевел свой взгляд на гостя и, улыбнувшись, тихо произнес:

– Давай, вкратце, с чем прибыл? Меня попросили оказать тебе всю необходимую помощь в выполнении твоего задания. В чем оно заключается?

– В пятидесяти километрах за «ленточкой» находится крупное производственное предприятие. Оно было построено после Великой Отечественной войны по всем меркам безопасности пятидесятых годов прошлого столетия. Я имею ввиду с множеством различных убежищ, способных выдержать удар ядерного оружия. По данным разведки, в отдельных убежищах хохлы организовали склады с боеприпасами, продовольствием и вещевым довольствием. Однако командование армией озабочено тем, что, помимо складирования военного имущества, они согнали и удерживают большую группу мирного населения этого рабочего поселка. Хохлы заминировали подходы к этому убежищу, но самое главное, они заминировали и его. Разведка сообщает, что они готовы взорвать его при попытке захвата данного предприятия нашими войсками. Их специалисты в сфере средств массовой информации уже готовы обвинить наши войска в преднамеренном уничтожении мирных жителей, укрывшихся в убежище от атак нашей артиллерии и авиации.

Новиков замолчал, так как в дверях землянки показалась фигура солдата, державшего в руках две металлические кружки с чаем.

– Чай, товарищ комбриг, – произнес он и осторожно поставил кружки на грубо сколоченный из снарядных ящиков стол.

– Спасибо, – поблагодарил Лавров солдата. – Тебе как, с сахаром или с медом? Мед у меня хороший. Спасибо нашим волонтерам, подслащивают нашу военную жизнь.

Дождавшись, когда солдат выйдет из блиндажа, Новиков продолжил:

– Мне нужны ваши лучшие люди: саперы, операторы БПЛА, снайпер, связист. Поведу группу я. Выход группы завтра вечером. И еще вы должны обеспечить проход группы через минное поле, на наиболее слабом участке хохлов.

Новиков замолчал и посмотрел на Лаврова. Тот отхлебнул из кружки чай и, взяв в руки рацию, снова отдал команду. Вскоре в землянке собрались военные, в задачу которых входило обеспечение перехода группы Новикова через «передок». Они явно были недовольны ночным подъемом и хмуро смотрели на Павла, сообразив, что именно из-за этого молодого офицера их подняли ночью.

– Командир! Что за срочность? Что, утром нельзя было решить эту проблему? – обратился к нему майор.

– Утром я уеду, поэтому вас и поднял, чтобы вы уже с утра отработали эту тему со своими подчиненными. Время еще есть, выспитесь. Сейчас представитель штаба армии доложит вам поставленную командованием задачу. Прошу отнестись к задаче серьезно.

Павел кратко изложил задачу. Офицеры выслушали его.

– Задача ясна? – спросил их комбриг.

– Я хотел бы познакомиться с бойцами, с которыми пойду к хохлам, – обратился Павел к подполковнику. – Я должен знать, с кем пойду и насколько компетентны эти люди.

– Хорошо. Думаю, что к обеду эту задачу мы решим. Если вопросов нет, все свободны.

Офицеры, обсуждая полученную команду, стали покидать блиндаж. Комбриг посмотрел на Новикова и, допив из кружки уже остывший чай, произнес:

– Можете отдохнуть, лейтенант... Днем поговорим.

Новиков вышел из землянки, заметив, что на востоке небо посерело, а это значило, что вот-вот взойдет солнце. Он посмотрел на часы: шел третий час ночи.

Чтобы избежать лишних вопросов, Павел вернулся обратно в блиндаж, в котором провел ночь. Противник, похоже, проснулся. Канонада усилилась. Вскоре враг перенес свой огонь из тыла по передовым позициям русской армии. Земля от ударов крупнокалиберных натовских снарядов задрожала. С потолка землянки посыпался песок. Выбрав место с наименьшим «песочным дождем», Новиков присел на лавку. В блиндаж вошел солдат, держа в руках металлическую миску с гречневой кашей, заправленной тушенкой. Павел моментально понял, что голоден.

– Это вам, товарищ старший лейтенант, – произнес солдат, протягивая ему миску с кашей. – Чай будете?

Новиков кивнул и с жадностью набросился на завтрак. Дома он не очень любил каши, но здесь понял, что солдат без каши – как автомат без патронов. Снова где-то совсем рядом загромыхали орудия. Это началась артиллерийская дуэль с целью подавления артиллерии противника. Оставшись один в блиндаже, Павел вытащил из кармана фотографию матери. Он не помнил мать такой молодой, какой она была запечатлена в свое время фотографом. Рядом с ней он положил фотографию Ксении, медсестры, с которой он познакомился в госпитале. Она была чем-то похожа на его мать: такой же разрез глаз, высокий лоб, даже прическа из светлых волос напоминала ему ту, что носила мать в молодости. Услышав голоса за дверью, он быстро убрал фотографии в карман куртки. В блиндаж заглянул командир группы БПЛА. Поздоровавшись с Новиковым, он присел рядом с ним.

– Я сейчас посмотрел позиции хохлов. Думаю, что вам лучше всего двигаться вот в этом месте, – произнес он, показывая на мониторе точку перехода. – Это место стыка двух бригад, и просочиться в тыл в этом месте намного проще. Главное – организовать проход в минном поле. Насколько я знаю, за лесопосадкой снова минное поле. Хохлы проводят ротацию справа от этого дерева. Похоже, что там тропинка расчищена специально для этих целей. Не перепутай, Студент, – справа от дерева.

Он замолчал и достал из кармана куртки сигареты.

– Куришь? – поинтересовался он у Новикова. – Бери.

Павел взял сигарету и закурил.

– Я слышал от командира, что ты из бывших «вагнеровцев» будешь? Это правда?

– Да, – коротко ответил Павел. – Воевал в составе группы «Штурм Z», ты слышал о такой?

– Надо же! – воскликнул он. – Говорят, что там воевали одни осужденные за убийства, их еще называли смертниками. Говорят, что они были из какого-то вашего подразделения с каким-то киношным названием.

– Это подразделение называлось «Амбрелла».

– Точно.

– Ты прав, что только про нас не говорили. Ребята там были отличные, храбрые и дерзкие. Поэтому они делали то, что не могли ваши «мобики», то есть мобилизованные. Им нечего было терять по сравнению с «мобиками».

– Ты давно на фронте? —с уважением в голосе поинтересовался у него командир группы БПЛА, сделав небольшую паузу.

– Чуть больше года. Хочу уточнить, в «Штурме» были разные ребята, но судимых среди нас не было.

– И как ты туда попал? За большими деньгами погнался, наверное?

– Почему за деньгами? Как и все. Сначала в ЧВК «Вагнер», а там меня никто и не спрашивал. Три недели в тренировочном лагере под Краснодаром – и в Работино.

Новиков замолчал. Он загасил окурочек сигареты о каблук берцев и положил его в пустую консервную банку, приспособленную кем-то под пепельницу.

– И как там было? Говорят, что первый бой бывает как во сне. Человек о нем мало что помнит.

– Это смотря какой бой,—ответил Новиков. – Я этот бой буду помнить вечно, пока живу.

Глаза собеседника загорелись. Он явно видел боевые действия лишь через окуляры своих беспилотников. Ему было трудно представить бой, который ведут штурмовики, тем более если ими являлись бойцы «Штурма».

– Страшно было?

– Не то слово – страшно. Это состояние не передать словами, особенно если это первый бой.

Неожиданно командир БПЛА посмотрел на часы.

– Извини, Студент, болтать больше не могу. Светает, нужно «птичек» поднимать.

Он пожал Павлу руку и вышел из блиндажа.

Окраины поселка городского типа Работино. Наслушавшись и насмотревшись на бойцов из «Амбреллы», Новиков сделал для себя определенный вывод. Он может быть и странным для многих людей, но это лишь для тех, кого не коснулась война, кто не испытал страха смерти и горя, связанного с потерей ставшего тебе дорогим и близким человека.

Война – это обратная сторона тюрьмы, как часто говорили «амбрелловцы». Она наполнена всей гаммой цветов и запахов, существующих на земле, их оттенками, о которых обычный человек даже не подозревает в мирной жизни. Это громадный фонтан эмоций, чувств, переживаний, радости, от которой перехватывает горло и на глазах людей появляются слезы. Война – это миллионы деталей и штрихов, от количества которых взрывается не только голова, но и сердце бойца и штурмовика. Нет ничего, с чем можно сравнить эти ощущения, уравнивать эти два несовместимых по своей сути мира.

Группа бойцов «Штурма», в которую входило и отделение Новикова, отходила из Работино. Попытка прорвать оборону украинцев, оборонявших поселок, в очередной раз провалилась. Оставив около двадцати «двухсотых» бойцов из «Амбреллы», штурмовикам так и не удалось зацепиться за разбитый снарядами жилой дом. Павел замыкал отход группы, которая,

используя естественные природные укрытия, пыталась выйти из боя, сохранив личный состав. Впереди него маячила широкая спина Якута. Заметив их отход, хохлы открыли шквальный огонь. Новиков повалился на землю, стараясь укрыться за остовом сгоревшей накануне бронированной машины. Откуда-то справа бил пулемет, не давая ему поднять голову. Пули, словно горох, стучали по броне и с воем уходили куда-то вверх. Наконец, пулемет замолчал: то ли пулеметчик потерял его из виду, то ли у него закончилась лента с патронами. Новиков хотел вскочить и перебежать к новому укрытию, но пулеметчик, словно разгадав его маневр, снова ударил по сгоревшей машине, заставляя его снова вжаться в сухую и горячую землю.

«Рисковать не стоит, – решал Павел, – он сразу же срежет меня, не дав мне добежать до воронки».

Он с надеждой посмотрел в сторону ушедших штурмовиков, рассчитывая на то, что они вернуться за ним. Но время шло, а попыток вытащить его с этого огненного пятачка никто не предпринимал.

«Наверное, решили что я “сдвухсотился”, – подумал он, – а иначе бы все равно попытались помочь».

Он снова посмотрел в сторону русских траншей, но никого не увидел. Для того чтобы догнать своих штурмовиков, Новиков должен был перебежать широкую улицу, простреливаемую хохлами из всех видов оружия. Сейчас, когда он был на прицеле у пулеметчика, делать это было смертельно опасно. Павел заполз под днище подбитой машины и, убедившись, что стал невидим для украинского пулеметчика, решил провести под ней ночь, а рано утром попытаться добраться до своих бойцов.

Новиков открыл глаза и не сразу понял, где он находится. Утро выдалось прохладным, рабочий поселок был едва различим в клубах утреннего тумана, который стелился вдоль разбитых домов и улиц. Он осторожно выбрался из-под машины и хотел уже направиться в сторону российских траншей, но его остановили едва доносимые до него голоса украинских боевиков. По всей вероятности, последние решили воспользоваться плохой видимостью и атаковать позиции российских войск.

«Не дураки, – подумал Павел, передергивая затвор автомата, – я бы тоже попытался воспользоваться подобным подарком природы».

Положив рядом с собой две гранаты, Новиков приготовился к бою.

Утренний восход солнца разорвала беспорядочная стрельба, которая доносилась со стороны российских позиций. Завязался бой. «Мобики», не выдержав удара украинских боевиков, стали бросать позиции и отходить назад. Создалась опасная ситуация прорыва украинцев в тыл российской бригады, что могло, как говорят военные, обрушить фронт. Видя бедственное положение, руководство ЧВК бросило навстречу украинцам группу «Штурм Z» и поредевшие остатки «амбrellовцев». Рваные куски тумана, напоминающие разделенное на мелкие куски ватное полотно, медленно плыли вдоль улицы. По бронированному корпусу машины снова застучали пули, которые заставили Павла снова заползти под автомобиль. Вошедшее солнце растворило туман, и теперь он видел, что, встретив ожесточенное сопротивление штурмовиков, украинские боевики стали отходить к разбитым домам, чтобы там организовать опорный пункт обороны. Оказавшись случайно в тылу украинского подразделения, Новиков метким огнем смог подавить несколько еще не оборудованных огневых точек противника, что позволило штурмовикам зацепиться за два дома.

Неожиданно из-за угла крайнего от него дома выкатился украинский танк и начал расстреливать группы «Шторма», которые пытались укрыться от огня в воронках от снарядов. Эту встречу с танком Павел запомнил на всю жизнь. Новиков отчетливо видел, как разлеталось в разные стороны от снарядов танка то, что когда-то представляло собой человеческое тело.

Оторванная взрывом снаряда нога в берце упала рядом с ним. Торчавшие из нее беловатые кость и сухожилия еще двигались, словно не веря в то, что они уже не относятся к телу человека. Уже потом, когда его спрашивали, что самое страшное на войне, он всегда отвечал, что страшнее танка он не видел ничего. Танк стоял почти рядом с машиной, под которой укрывался Новиков, и он в какой-то момент, наблюдая за танком, пожалел, что у него под рукой не оказался гранатомет. Воспользовавшись моментом, Павел выбрался из-под машины и ринулся в сторону штурмовиков. Он и еще несколько человек укрылись от огня танка в бетонной трубе, что-то типа ливневки, которая проходила под дорогой между двумя рядами домов. По сравнению с разрушенными строениями это было достаточно надежным укрытием. Рядом с Павлом пристроился Якут.

– Как, Студент, тебе эта жопа? – спросил Новикова Якут. – Я вчера подумал, что ты погиб, а утром смотрю – живой.

– Я, конечно, не стратег, но атаковать в лоб поселок было глупо. Ты скажи, почему «мобики» в траншее, а мы вот здесь?

Якут засмеялся.

– Все потому, что ты продал свою жизнь за деньги, а они люди подневольные. Ты же в «Штурме», а они...

Иван не договорил. В украинский танк ударил ПТУРС. Стальная бронированная машина, словно человек, тяжело вздохнула и вздрогнула. Из открытого люка вырвалось яркое пламя, а в следующий момент раздался мощный взрыв боеприпаса. Многотонная башня танка, словно детская игрушка, отлетела в сторону и упала недалеко от их трубы.

– Помер Максим, да и хрен с ним! – произнес кто-то из штурмовиков, скрывавшихся в трубе.

Время тянулось удивительно медленно. Покидать эту трубу днем было смертельно опасно. Украинские снайперы и пулеметчики моментально бы уничтожили группу штурмовиков, не дав им возможности добежать до своих траншей.

– Якут! У тебя есть вода? Пить ужасно хочу, – спросил Ивана Новиков.

– Откуда вода, Студент? Хорошо, что штаны успел натянуть, когда укры пошли в атаку.

– Мужики! Может, у кого-то есть вода? Со вчерашнего дня капли во рту не было.

Воды ни у кого не оказалось. Наверху гремел артиллерийский бой, рвались снаряды, свистели осколки, а в трубе было сыро и противно пахло затхлостью. Когда стемнело и стало значительно тише, штурмовики стали покидать трубу. Павел шел замыкающим. Шагающие впереди него бойцы напоролись на блокпост хохлов, который те установили в течение дня. Начался скоротечный бой. В темноте было трудно разобрать, где свои, а где враги. Огненные трассы чертили в небе загадочные геометрические фигуры. Идущий впереди него Якут вдруг, словно споткнувшись, повалился на землю.

– Нога! – простонал он. – Помоги, Студент!

Новиков нагнулся над ним, стараясь в темноте рассмотреть ранение товарища. Однако было так темно, что он ничего не увидел. Павел взвалил Якута на плечи и медленно пополз в сторону ближайших домов. Сколько он полз, Новиков не знал. Наконец он дополз до дома и остановился, чтобы отдохнуть. Якут то терял сознание, то тихо стонал.

– Потерпи, Ваня, потерпи, – шептал Павел. – Сейчас посмотрим, что с тобой.

Он затащил его в подъезд дома.

– Сейчас, Якут, сейчас.

Новиков подошел к одной из дверей и толкнул ее рукой. Дверь не поддавалась. Тогда он подошел к другой двери. Она была открыта. Павел передернул затвор автомата и, стараясь не шуметь, осторожно прошел внутрь квартиры и стал осматривать помещение. Комнаты были пусты. Новиков вернулся назад и, взвалив Якута на плечи, затащил его в квартиру. Он осто-

рожно положил его на кровать и направился на кухню. Нашупав в темноте водопроводный кран, Павел открыл его. Воды не было. Он языком провел по сухим потрескавшимся губам.

«Может, где-то есть вода?» – подумал он и начал шарить в темноте по кухонным полкам. Он вернулся к Якуту.

– Павел, мне плохо, – прошептал Иван. – Нога просто пылает.

– Потерпи до утра, Ваня. Сейчас я тебе укол сделаю, он снимет боль. А там наши штурмовики подойдут, в госпиталь поедешь.

– Мне бы попить, – тихо попросил его Якут. – Внутри все пылает.

– Я тоже пить хочу. Здесь ничего нет. Нужно поискать в соседних квартирах. Ты лежи, Якут. Будь готов, здесь наверняка хохлы ходят.

– Дай мне гранату, – попросил он Павла. – Я не хочу плена.

Павел сунул ему в руку гранату и похлопал по плечу.

– Я пошел. Поищу воду...

Павел вышел из подъезда и невольно остановился. Сотни трассирующих пуль, словно золотые нити искусного плетения, разукрашивали ночное небо над Работино. Где-то за домами ухала артиллерия, и трудно было понять, чья она. Он направился в соседний подъезд. На первом этаже все двери были закрыты. Взламывать их Новиков не решился, ему не нужен был лишний шум. Он осторожно поднялся по лестнице на второй этаж. Первая дверь справа оказалась открытой. Нашупав в кармане куртки зажигалку, он зажег ее. В тусклом свете огонька он прошел на кухню. Павел открывал створки кухонного гарнитура, но бутылки с водой среди множества посуды он не нашел.

«Но ведь не может быть так, все равно должна быть вода, – размышлял он. – Кто ищет, тот всегда найдет».

Чем больше Новиков думал о воде, чем больше ему хотелось пить. Убедившись, что в квартире нет воды, он развернулся и направился к выходу. Прикрывая огонек ладонью руки, он подошел к двери. Взгляд его упал на картонную коробку, что стояла в прихожей. Он пнул ее носком берца. В коробке что-то было. Он нагнулся, раскрыл ее и сразу увидел пятилитровую бутылку с жидкостью.

«Неужели вода?» – промелькнуло у него в голове.

Где-то совсем рядом послышалась украинская речь. На улице гулко упала какая-то металлическая вещь. Павел затаил дыхание, стараясь определить, куда двинутся украинские боевики. Вскоре голоса затихли.

Новиков достал бутылку из коробки, отвернул крышку и поднес к губам. Это была вода. Он пил, захлебываясь, с жадностью. Вода текла по подбородку, лилась на грудь, а он все пил и пил. Где-то совсем рядом вновь послышались мужские голоса, он оторвался от бутылки и снял предохранитель с автомата. Закрыв бутылку, он вышел из квартиры и, держа оружие наизготовку, вышел из подъезда дома во двор. Прижавшись к стене, он направился в соседний подъезд, где оставил раненого Якута. Он снова услышал этот мужской глуховатый голос и чей-то противный громкий смех. Раздались шаркающие шаги. Павел опустил бутылку на землю и поднял автомат. В том, что это были украинцы, он не сомневался.

– И зачем ты зарезал этого раненого русского? По-моему, Никола, он так бы скончался от ранения. Ты видел, сколько он потерял крови?

– Мне стало жалко его: лежит, мучается, – произнес украинец небольшого роста. – Ты же видел, что в руке у него граната была. Значит, он не хотел сдаваться. Он еще кого-то звал, похоже, он здесь был не один.

– Тебе, наверное, показалось. Хрипел он.

Никола снял с головы каску и, достав из кармана брюк платок, вытер им лицо.

– Вот видишь, все лицо забрызгал его кровью.

Украинец протянул в сторону товарища носовой платок, как будто в этой темноте можно было что-то рассмотреть.

«Они убили Якута! – промелькнуло в голове Новикова. – Суки!»

Они стояли к нему спиной буквально в трех метрах от него. Павел нажал на курок автомата. Он не услышал звука выстрелов. Оружие было с глушителем, и лишь привычная отдача оружия при стрельбе говорила о том, что автомат, как всегда, сработал отлично. Мужчины повалились на землю, так и не поняв, кто их срезал.

Новиков шел по пустой улице, среди брошенных, но совершенно целых домов. На стыке двух частей поселка горел недавно построенный дом, зарево которого было единственным источником света вокруг. Ни голосов, ни каких-либо других звуков мира или войны не было. Мертвая, пустая темная улица, оставленная людьми, но еще хранившая их тепло. Здесь остро чувствовалось, что люди ушли отсюда совсем недавно. Не было запустения в этих домах, они пока еще были живы. Павел дошел до очередного поворота, все больше и больше удаляясь от разрыва кассеток, снарядов и треска горящих домов.

Как в любом опорном пункте, всегда существует место, где гибнет много бойцов с обеих сторон. В окрестностях поселка городского типа Работинотоже было такое место, которое носило не совсем поэтическое название «очко Зеленского». Почему «очко»? А потому что это место было действительно жопой, как для украинских, так и для российских солдат. Это место неоднократно переходило из рук в руки, оставляя после подобной рокировки десятки трупов. Это место трудно было взять, но еще труднее удержать. Оно простреливалось нашей и украинской артиллерией до самого сантиметра и уносило десятки жизней. Это место обладало какой-то зловещей магией, заставляющей командование обеих сторон бесконечно снаряжать штурмовые группы, способные взять его, но неспособные в этом «очке» долго удержаться. Туда было тяжело добраться, но, добравшись туда, храбрецы с белыми или синими повязками неминуемо погибали под огнем или вынуждены были отступать назад. В это «очко» сливались жизни людей, а горький цинизм солдатской терминологии превращал их смерть в апофеоз бессмысленности.

С этим местом связаны были первые потери группы ЧВК «Вагнер» «ШтормZ», туда уходила группа, а потом эти люди возвращались с пустыми выжженными глазами.

–Тот «200», тот «200», а про остальных я не знаю, —отвечали они, отводя взгляд от своих еще живых товарищей.

Жара, стоявшая в те дни, запомнилась Новикову еще и трупным смрадом, что висел над «очком Зеленского». Пекло делало свое черное дело, разлагая тела погибших, как «амбrelloцев», так и украинских боевиков. Попытки договориться с хохлами об эвакуации тел погибших бойцов оказались безуспешными. Павлу почему-то вспомнился эпизод, когда он повел в сторону поселка свое отделение. Вместе с ним пошел и Якут. Почему он тогда пошел, Павел до сих пор не мог понять, ведь его никто не гнал, а он напросился на этот выход самостоятельно, договорившись с командиром взвода. Зачем? Новикову до сих пор было непонятно. Они двинулись по разбитой снарядами траншее. Они шли, то и дело натываясь на трупы, и лишь по шевронам на рукавах камуфлированных курток можно было определить, кем раньше были эти люди. Павел постоянно останавливался, чтобы подавить у себя рвотные позывы.

Тогда он не заметил, что по дороге два его бойца, замыкавшие отделение, позорно «запятисотились», то есть сбежали в проходящую рядом лесополосу и растворились в ней. Это был самый настоящий удар в спину. Вчетвером они физически не могли удержать этот пяточок выжженной земли. Грело лишь одно – что вслед за нами в пятидесяти метрах, находилась полнокровная рота «мобиков», которая могла помочь им в случае отхода. Когда они проходили

мимо них, Новиков невольно обратил внимание, что те с каким-то непонятым вниманием сопровождали группу.

– Что смотришь? Может, кто-то хочет с нами? – обратился к ним с улыбкой Якут. – Что молчите? Кому нужен орден? Давай с нами...

– Да пошел ты! Давай, вали! Это не наша задача – штурмовать украинские позиции. Мы должны удерживать свои позиции, а не атаковать. Нам сказали, вот придет «Шторм Z» и «Амбрелла», они все и сделают. Мы думали, вас много, а вас-то всего пятеро.

Это было сказано так, что можно было подумать, что они с Якутом какие-то супервоины, способные творить чудеса. А какие «амбеловцы» были воины? Обычные уголовники, набранные с разных российских тюрем, с месячной подготовкой.

Они молча поползли в сторону украинских окопов. Хохлы, похоже, не видели их, как всегда, переоценили свои возможности. Когда до траншеи оставалось метров пятнадцать, штурмовики забросали их гранатами. Тугие взрывы нарушают тишину, еще мгновение, и они уже оказались в траншее.

– Вперед! – громко закричал Новиков. – Прикрывайте друг друга!

Они побежали по траншее, бросая гранаты в землянки и расстреливая тех, кто попадался им на пути. В результате скоротечного боя украинский опорный пункт был взят. Прошло около часа, прежде чем хохлы поняли, что потеряли важные для них позиции в «очке Зеленского». Предпринятые две атаки хохлов были отбиты штурмовиками. Вскоре взвод «мобиков» перебрался в занятые ими траншеи. Утром по ним ударили сначала «хаймеры», а затем их огонь подхватила батарея «трех топоров»⁴. Первыми с позиций стали отходить «мобики», оставляя свои окопы и траншеи. Наблюдая за отходом, Новиков не пытался обвинить их, так как хорошо понимал, что двигало этими мужчинами. А затем из-за дома появился украинский танк и прямой наводкой стал расстреливать отходящих с позиций российских солдат. Те, что задержались в траншеях и окопах, остались живыми, остальные полегли, добавив свои тела к тем, кто уже лежал под жарким солнцем несколько суток.

– Что, спишь, Студент? – спросил его, вошедший в блиндаж подполковник, посмотрев на Новикова, который сидел с закрытыми глазами. – Не спи, замерзнешь.

Лавров громко рассмеялся над своей шуткой.

– Нет, товарищ комбриг, не сплю. Просто немного задумался. Вспоминал мать, дом...

Лавров прошел к столу и, подвинув лавку, сел напротив него. Посмотрев на Павла, он спросил:

– Откуда ты, Студент? Что-то ты совсем молод для офицера. Я навел справки, ордена имеешь.

– Да, два ордена, Серебряный крест «За отвагу и мужество» и Черный крест. У нас в ЧВК эти награды считались высокими, и их просто так не давали. А сам я из Казани, товарищ комбриг. Окончил институт, поработал немного и решил податься на войну.

– Что, романтика голову вскружила? – продолжил подполковник. – Хороший город с богатой историей. Я тоже хотел поступить в ваше ракетно-артиллерийское училище, но его закрыли. Пришлось ехать в Москву.

– У нас и танковое училище в свое время закрывали. Сейчас открыли, учат курсантов.

– А ты что, все время в землянке сидел?

– Не хочу лишних вопросов, товарищ комбриг. К серьезному заданию нужно и относиться серьезно.

Комбриг улыбнулся. Похоже, этот молоденький старший лейтенант импонировал ему.

⁴ Американские орудия 152 мм М-152.

– Давно воюешь, Студент?

–Больше года, товарищ комбриг. Дважды ранен. После второго ранения подписал контракт с Министерством обороны. Друзья отказались подписывать, звали с собой сначала в Беларусь, а затем в Африку, а я подписал. Что мне Африка? Я Россию люблю больше.

Лавров посмотрел на часы и поднялся из-за стола.

–Слушай меня внимательно, я дважды не объясняю. Люди придут к 16.00. А пока отдыхай, Студент, раз не хочешь лишних вопросов. Я пойду, служба.

Подполковник вышел из блиндажа, оставив Новикова одного. Он прислонился спиной к бревенчатой стене блиндажа и закрыл глаза. Приятно пахло смолой и свежей древесиной. Почему-то он снова вспомнил поселок Работино. Почему именно Работино, ведь было много и других населенных пунктов, он сам не понимал. Наверное, это было естественно, ведь это был его первый населенный пункт, который так упорно штурмовал «Вагнер».

...Поселок был пуст. Где-то на восточной стороне шел бой: ухали взрывы, слышались выстрелы крупнокалиберных пулеметов. Раньше в поселке проживало около двадцати тысяч человек, теперь остались лишь единицы, укрывшиеся в подвалах домов. Новиков шел по пустой, абсолютно темной улице среди брошенных людьми домов. Он прошел мимо нескольких блокпостов украинской армии, и как ни странно, его никто не остановил, не окликнул. То ли он шагал настолько уверенно, что украинцы посчитали его своим, то ли что-то другое, сродни чудесам, что иногда бывают в этой жизни. Новиков остановился, не веря в произошедшее с ним чудо. Он прошел мимо небольшого дома с занавешенными шторами окнами, из подвала которого раздавался шум работающего генератора.

«Кто там, мирные жители или украинские боевики?»— подумал он, держа автомат наизготовку.

Павел чувствовал и хорошо понимал, что за ним сейчас наблюдают десятки глаз из этих темных, закутанных, занавешенных шторами домов. Вскоре он понял, что выйти из поселка и не налететь на украинский блокпост просто невозможно, ведь каждый дом был своеобразной крепостью со своим гарнизоном и охраной. От осознания того, что он один в этом поселке, что его окружают сотни врагов с желанием его уничтожить, ему стало страшно за себя.

«Надо же! – думал он. —Второй раз остаюсь один в этом поселке. Сначала отстал, а теперь... Зачем я потащил Якута сюда? Неужели я стал причиной его гибели?»

Впереди показался небольшой двухэтажный дом в окружении яблоневого сада. Дом не подавал никаких признаков жизни: темные окна, стены, посеченными осколками. Обследовав дом и убедившись в том, что он действительно в доме один, Павел расположился на ночлег. Он снял с себя бронежилет, каску, которые буквально срослись с ним за эти последние дни. Положил под голову рюкзак и лег на кровать. Под его тяжестью заскрипели пружины матраса, словно радуясь теплу его тела. Павел закрыл глаза, но заснуть никак не мог. За окном дома то и дело были слышны голоса украинских солдат.

Новиков включил рацию и услышал знакомые ему голоса. Он невольно улыбнулся. Эти голоса придали ему некую уверенность.

– Сугроб, Сугроб, я Студент, как слышишь? Сугроб, Сугроб, ответь.

–Студент! Откуда ты? Мы подумали, что тебя задвухсотили.

– Ошибка. Я жив. Я в поселке...

– Конкретно где?

– А Бог его знает. Темно, ничего не видно...

– Хорошо, Студент, держись. Связь с рассветом...

– Понял, Сугроб.

Новиков отключил рацию и снова попытался заснуть, но сон не шел.

Все началось на рассвете. Десятки орудий ударили по поселку, разрушая и сжигая все, что можно уничтожить и сжечь. Новиков пытался каким-то образом корректировать огонь артиллерии, но для этого нужны были знания, как это нужно делать, которых у него не было. Павел вовремя поменял позицию, выбравшись из дома. Буквально через пять минут 150-миллиметровый снаряд угодил в дом и разнес его вдребезги.

– Сугроб! Сугроб! Как слышишь?

Рация шумела, трещала, словно возмущенная его дерзким обращением к товарищу.

– Сугроб!

– Слушаю тебя, Студент. Попробуй прорваться...

– Куда? – закричал Павел. —Куда прорваться?

В станции что-то трещало, свистело, однако ответа так и не последовало. Новиков выскочил из укрытия и метнулся к соседнему дому. Украинцы, видимо, решили переждать артобстрел в укрытиях, и поэтому в него никто не стрелял. Новиков бежал вдоль улицы и, как молитву, твердил лишь два слова:

– Господи, пронеси!

Впереди показалась уже знакомая ему ливневка. Пулеметная очередь вспорола перед ним растрескавшийся от времени асфальт. Пули высекли искры и со свистом ушли куда-то вверх. Новиков вовремя повалился на землю, последовала новая очередь. Пули, задев вскользь его каску, ушли вверх. Оглушенный этим ударом, он пролежал на земле еще минуты три-четыре, прежде чем броситься в чрево чернеющей трубы, спасаясь от пуль противника. В трубе сильно пахло нечистотами, но он словно не замечал этого запаха. Оглянувшись, он заметил, что к трубе ползут два украинца, решившие взять его в плен.

Новиков лихорадочно передернул затвор автомата и направил его в сторону украинских солдат. Поймав на мушку ближайшего к нему украинца, он плавно нажал на курок. Очередь в трубе буквально оглушила его. Это было столь неожиданно, что он чуть не выпустил оружие из своих рук. Видимо, он попал в хохла. Тот на какой-то миг замер, а затем, развернувшись, пополз в обратную сторону. Второй украинец поднял автомат и стал целиться в него. Эта узкая труба вдруг показалась Павлу тесной, укрыться в ней практически не было возможности. Под ногами противно чавкала черная вонючая жидкость. Он представил свое молодое тело, гниющее в этой жидкости, и от этой мысли ему стало страшно.

«Вот она, смерть! – подумал он, стараясь почему-то хорошо разглядеть лицо целившего в него солдата. – Сейчас нажмет курок, небольшое пламя из ствола автомата – и конец».

Его сердце сжалось от страха смерти, как ему показалось, в горошину, он глубоко вздохнул, но выстрелов Павел не услышал. Рядом с украинцем разорвалась 120-миллиметровая мина, разметав тело последнего по кускам. Новиков невольно перекрестился, осознавая свое Божественное спасение. Теперь остается лишь ждать темноты, чтобы выбраться из этой трубы. Он посмотрел на часы и невольно потряс рукой. Ему показалось, что стрелка часов замерла на одном месте и больше не желала двигаться по циферблату. До наступления темноты оставалось еще достаточно много времени.

Артобстрел российской артиллерии не прекращался ни на минуту. Казалось, что люди, одетые в зеленую камуфлированную форму, решили стереть с лица земли этот рабочий поселок. Труба содрогалась, гудела и звенела, когда снаряды и мины падали вблизи дороги. Новиков дополз до выхода из трубы и посмотрел, насколько ему позволяла местность, на поселок. Десятки домов горели, другие были разбиты до фундамента.

«Боже мой, что творится! – подумал он. – Ведь в отдельных домах еще укрывались мирные люди!»

Где-то совсем рядом бил крупнокалиберный пулемет. Пулеметчик, словно, заправский музыкант, чередовал очередь за очередью, выдерживая определенное время между спусками курка. Время тянулось мучительно медленно. Дождавшись, когда интенсивность огня артил-

лерии снизилась, Павел выбрался из трубы и, медленно двигаясь, пополз в сторону российских позиций.

«Лишь бы свои не убили», – подумал Павел, и в этот миг по нему ударили несколько автоматов.

Пули, словно жирные шмели, пролетали над его головой.

– Не стреляйте! – закричал Новиков. – Свои!

То ли его не расслышали, то ли не поверили, но огонь не только не прекратился, а еще усилился.

– Свои! – снова закричал он и громко выругался матом.

Что-то сильно ударило его в плечо. Острая боль, словно раскаленная стрела, пронзила все его тело. Он закрыл глаза, так как ничего, кроме радужных кругов, он не видел. Павел снова попытался ползти, но левая рука не подчинялась командам его мозга.

– Не стреляйте! Свои! – в очередной раз закричал он и потерял сознание.

Новиков очнулся от сильной боли. Он открыл глаза и увидел молодого парня, одетого в камуфлированную форму, который волоком тащил его к траншее.

«Кто он? – подумал Павел. – Наш или украинец?»

Правая рука Новикова потянулась к гранате. Он хорошо знал, как поступают украинцы с его товарищами из группы «Шторм Z» ЧВК «Вагнер». В этом случае лучший выход – быстрая смерть, чем смерть от мучений. Паренек заметил это движение руки и замер на месте.

– Это ты чего, Студент? Чего надумал? Что, не узнал? Это я, Айболит!

Только теперь Павел узнал в нем санитаря из их роты.

– Не трогай гранату, а то оставлю здесь! – прохрипел санитар. – Я его тащу, а он за гранату.

– Прости, Айболит, сразу не узнал. Пить хочу. У тебя есть вода?

Айболит подполз к нему и, отстегнув фляжку, протянул ее Новикову. Пить лежа было неудобно, и он больше облил себя водой, чем напился.

– Спасибо, Айболит...

Павел хорошо помнил этого малоприметного парня из Нижнекамска, над которым подтрунивала вся рота за его небольшой рост и полноту. Он невольно вспомнил, как Айболит был единственным бойцом их роты, который не выполнил ни разу установленные нормативы.

– Кто-то вернулся из нашей группы? – поинтересовался у него Новиков, когда они вновь остановились? Ты знаешь, Якут погиб. Его хохлы зарезали.

– Никто, похоже, всех обнулили.

Айболит снова поволок его к траншее. Павел старался облегчить ему труд, помогал как мог, работая здоровой рукой. Пуля ударила около головы санитаря, подняв небольшой фонтанчик пыли. Они замерли на месте, так как поняли, что попали под огонь снайпера.

– Сука какая! Видит ведь, что я тащу раненого. Отдыхай пока, Студент, – произнес полупшепотом Айболит. – Снайпер у «пятак» работает. Полежим немного, нам спешить некуда.

– Согласен, – тихо ответил Новиков. – Спешить нам с тобой некуда...

Прошло минут сорок, прежде чем Айболит снова потащил Павла к траншее. До нее было совсем недалеко, когда они попали под огонь ротного миномета. Чем они могли вызвать интерес у этих украинских ребят, трудно было понять. Бросив на них с десятка мин, хохлы замолчали.

– Как ты, Студент? – произнес Айболит. – Меня, похоже, зацепило.

– Куда, Айболит?

– В правое бедро. Ты знаешь, Студент, я вытащил более ста человек и ничего, а сегодня вот вдруг зацепило. Нам еще немного, от силы метров пятьдесят будет. Держись.

Он замолчал. Павел, попробовал самостоятельно ползти в сторону траншеи, но понял, что без посторонней помощи у него мало что получается. Прошло минут пять, прежде чем он почувствовал, что его снова потащили вперед. Этим буксиром оказался пожилой мужчина, который сменил Айболита.

Они мешками свалились в траншею, сначала Айболит, а затем и Новиков.

– Мужики! Помогите! – прохрипел санитар.

Павлу помогли подняться на ноги.

– Идти сможешь? – поинтересовался у него мужчина с трехдневной щетиной на лице.

– Могу, если поможешь.

Они направились по извилистой траншее в сторону санбата. Новиков шел, рассматривая позиции «моби́ков», которые за то время, что он находился в тылу у украинцев, претерпели значительные изменения. Многие блиндажи, мимо которых они шли, были разрушены артиллерийским огнем противника. Местами они пробирались через руины, где-то прямо по трупам своих же солдат, местами приходилось вылезать и обходить их, рискуя словить пулю снайпера. Сидящие в окопах «моби́ки» провожали Петра и Айболита упреками: сопровождающий Новикова мужчина как бы мимоходом сообщил ему, что утром хохлы под прикрытием танков атаковали их позиции.

– Много трехсотых? – спросил его Новиков.

– Почти столько, сколько и двухсотых.

Один из «моби́ков», заметив Павла, со страхом поинтересовался у него:

– Штурмовики! Вы куда? Вы что, бросаете нас? Уходите?

Новикову было стыдно, когда к раненым штурмовикам обращались здоровые и сильные мужчины, словно обвиняя их в том, что они не погибли за них там, на подступах к этому «очку Зеленского». Новиков хорошо понимал их, ведь каждый из них надеялся, что смерть таких людей, как он, из группы «Шторм Z», каким-то образом спасет их.

Мужской говор вблизи отвлек Новикова от воспоминаний. Но голоса вскоре стихли, и лишь гулкие удары артиллерийских орудий нарушали тишину дня. Павел посмотрел на часы. Они показывали начало первого дня. Дверь блиндажа приоткрылась, и в помещение вошел молодой боец.

– Товарищ старший лейтенант, обедать будете? – спросил он Новикова.

– Неси...

Солдат вернулся минут через десять. Он молча поставил перед ним миску с лапшой и кружку с компотом из сухофруктов.

– Комбриг просил зайти, когда закончите обед.

Павел кивнул. Он быстро поел и направился в землянку комбрига.

– Заходи, – произнес подполковник. – Присаживайся.

В землянке, помимо Лаврова, находились начальник артиллерии бригады и начальник разведки.

– Мне звонили из штаба армии, – произнес комбриг, – просили обеспечить стопроцентный переход вашей группы через «ленточку». Я вот здесь посоветовался с начальником артиллерии, и мы решили нанести удар из «солнцепеков» вот по этому участку украинской армии. Этим ударом мы расчистим вам проход. Как показывает воздушная разведка, плотность украинской армии на этом участке не столь велика. Чтобы у противника не возникло никаких сомнений, наши штурмовики займут эти позиции. Пусть считают, что удар «солнцепеками» преследовал именно эту цель.

Начальник разведки, словно спрашивая разрешения у командира бригады, посмотрел на Лаврова.

– Украинские части подготовили значительно укрепленные участки обороны вот в этих местах, так что вам придется делать значительные крюки, чтобы не столкнуться с их передвижными подразделениями. Кстати, возьмите этот синий скотч. Именно таким цветом они украшают свою форму.

– Спасибо, товарищ майор.

– Вам приходилось бывать за «ленточкой»? – поинтересовался у Павла майор.

– Да, – коротко ответил Новиков, – и не раз...

– Тогда мне не нужно вас инструктировать, вы человек опытный и сами разберетесь на месте, как вам поступить в той или иной ситуации. Выход в эфир в строго определенное время. Радист знает частоту, время и позывной.

Павел кивнул, давая ему понять, что усвоил полученную информацию. Они еще долго говорили, обсуждая тонкости предстоящей операции. В заключение начальник разведки бригады заверил Новикова в надежности выделенных ему людей.

– Ты, Студент, за моих ребят не переживай. Я на них надеюсь как на себя. Они люди опытные и не раз ходили за «ленточку».

– Я привык верить людям. На войне случайных людей не бывает, тем более вы проинформировали меня о том, что все они добровольцы.

Они пожали руки, и Павел, спросив разрешения у командира бригады, вышел из землянки. Погода была отличная. Яркое летнее солнце, словно раскаленный блин, висело в зените. Было жарко, в воздухе плыл густой аромат сосновой смолы. Где-то не переставая ухали орудия, посылая снаряд за снарядом в поисках чьих-то жизней.

Новиков посмотрел на часы, до встречи с разведгруппой оставалось еще чуть более часа. Павел снял с плеча автомат и положил его на лавку. В землянке было сыро и прохладно. За дощатой стенкой резвились мыши. Их писк почему-то сегодня не раздражал Павла. Мыши стали частью быта солдат. Часто им не мешали даже прибившиеся к солдатам кошки.

Дверь слегка скрипнула, чуть-чуть приоткрылась, и в блиндаж вошла черная толстая кошка. Она по-хозяйски обошла помещение блиндажа и, взглянув на Новикова, по-приятельски мяукнула, словно здороваясь с ним. Она подошла к нему и стала тереться о его ногу. Он поднял ее и, положив на колени, начал нежно гладить. Разомлев от ласки, кошка громко замурлыкала. Мыши, словно почувствовав запах кота, моментально притихли.

Поглаживая кошку по его широкой спине, Павел невольно вспомнил Ксению, которая служила медсестрой в санбате «Шторма Z». Она была совсем молоденькой и заключила контракт с компанией после окончания медицинского училища. Девушка была небольшого роста, аккуратно сложена и, как показалось тогда Новикову, похожа на Снегурочку из сказки. Она была любимицей группы штурмовиков, и даже закоренелые в лагерях преступники-«амбrelloуцы» не позволяли себе при ней нецензурно высказываться. У девушки были очень красивые руки, тонкие и длинные пальцы, как у пианистки.

– Присаживайся, Студент, – певуче произнесла она, указывая Павлу на табурет. – Давай посмотрим, что с твоим плечом. Если рана серьезная, то отправим тебя в тыл, там тебя заштопают, если не очень, то это сделает наш доктор. Он большой специалист. Он даже с того света людей вытаскивал.

Девушка взяла в руки ножницы и аккуратно разрешила узел бинта. Новиков внимательно наблюдал за ее руками.

– Вы не похожи на остальных бойцов, я имею в виду штурмовиков, – произнесла она, сматывая грязный бинт. – Студент! Как вы попали в ЧВК?

– Добровольно, – ответил Павел, чувствуя, как от внезапно охватившего его волнения у него изменился тембр голоса.

– Здесь нет «моби́ков», здесь все контрактники. Одни записались, спасаясь от больших тюремных сроков, другие – в погоне за большими деньгами. А что вас привело в ЧВК? Деньги? Риск?

– Я об этом не думал. Я попытался заключить контракт с Министерством обороны, но у меня что-то там не срослось. Вот приехал сюда.

– Выходит, ты идейный?

– Наверное. Раньше таких людей, как я, называли добровольцами. Вы знаете, в первую мировую войну каждый уважающий себя человек добровольно вступал в армию. Бежали гимназисты, юнкера на фронт.

– Сейчас другое время, Студент. Сейчас бегут сюда от отчаяния, когда человеку деваться больше некуда.

– Вы ведь тоже здесь не по мобилизации.

Она замолчала и как-то загадочно улыбнулась ему. Сняв повязку, она стала осматривать рану.

– Что скажете? – поинтересовался он у Ксении.

– Пусть вас осмотрит врач, – произнесла она. – Если честно, то мне не нравится ваше ранение.

– Мне тоже, – стараясь придать какую-то лихость голосу ответил Павел.

Оставив его одного, девушка вышла из блиндажа. Новикова в какой-то степени озадачили ее слова.

«Неужели серьезное ранение? – подумал он. – Может, началось заражение?»

Ждать пришлось недолго. В помещение вошел молодой человек в медицинском облачении. Не здороваясь, он подошел к Новикову и, пододвинув ближе табурет, присел.

– Когда получил ранение? – спросил он Павла.

– Сутки назад.

– Ясно, – ответил доктор. – Ксения! Готовь инструмент, ремонтировать будем.

– У меня серьезное ранение? – спросил Новиков доктора.

– А сам-то как думаешь? Это тебе не порезанный палец.

В помещение вошла Ксения. Она поставила на столик поднос с никелированным медицинским инструментом

– Аллергия на лекарства есть? – поинтересовался у него врач.

– Раньше не было.

– Вот и хорошо. Ксения, сделай ему обезболивающий укол. Рану будем чистить.

Девушка набрала раствор в шприц и стала обкалывать рану.

Несмотря на обезболивающий укол, было довольно больно, и Новиков еле сдерживал себя, чтобы не стонать. Наконец, врач закончил чистку раны и, довольно улыбаясь, вышел из помещения.

– Я вижу, вам было больно, Студент, – с сочувствием произнесла Ксения. – Вы просто молодец.

Новиков улыбнулся. Похоже, у него не получилась улыбка, и он смущенно отвел глаза в сторону.

– Откуда вы, Студент? – спросила его медсестра.

– Из группы «Штурм Z». Вы же знаете, чужих бойцов здесь не бывает.

– Я не об этом. Из какого вы города?

– Из города вечнозеленых помидоров. У нас так говорят про Казань.

Она улыбнулась, продолжая обрабатывать рану. Она смотрела на него и видела, как Павел морщился от боли. Она иногда переводила свой взгляд с него на поднос, в котором лежали медикаменты, а затем, словно спохватившись, снова смотрела на него, а вернее, в его глаза.

– Почему вечнозеленых помидоров?

– Я и сам не знаю. Просто так говорят. Кстати, Ксения, почему вы так внимательно и пристально смотрите на меня?

Девушка улыбнулась.

– Пытаюсь понять, когда вам больно. Глаза человека говорят о многом.

Она положила на рану стерильную салфетку и заклеила ее пластырем.

– Вот и все, Студент. Шагай в свой отряд, завтра с утра – на перевязку, – произнесла она своим певучим голосом. – Я думаю, что недели через две-две с половиной ты опять будешь как новенький.

– Спасибо, – поблагодарил он девушку. – Скажите, а в ваши обязанности не входит навещать раненых бойцов?

Она улыбнулась и как-то по-другому посмотрела на Павла.

– Ты не один у меня, миленький. От вашей группы, насколько я знаю, практически одни двухсотые да трехсотые. Это ты еще легко отделался.

– Понял. Простите меня, я не хотел вас обидеть.

– Я привыкшая, не стоит извиняться.

Новиков вышел из блиндажа и увидел Айболита, который сидел под сосной. Рядом с ним лежал костыль. Павел подошел к нему и протянул пачку сигарет.

– Кури, Айболит. Спасибо тебе, что вытащил меня к своим. Как сам?

– Ничего. Думал, что будет хуже. Обошлось.

Они закурили.

– Айболит! Что у вас за девушка, я раньше ее почему-то не видел?

– Ксюша-то? Хорошая девушка. Ее все раненые бойцы уважают, в обиду никому не дают. Был такой случай, что один наш штурмовик попытался ее прижать. Смазливый такой, ловелас, короче. Ему ребята чуть яйца за это не отрезали. Хорошая она, добрая. Насколько я знаю, она детдомовская. Вот окончила медицинское училище – и сюда. А почему ты меня о ней спрашиваешь? Понравилась?

Павел кивнул. Ксения действительно понравилась ему.

– Не ты один запал на нее, она многим нравится. Ты сам понимаешь, здесь баб нет, вот все и лезут к ней.

Они покурили, и Новиков, загасив сигарету, посмотрел на медбрата.

– Ну, я двинул дальше. Поправляйся, Айболит, здоровья тебе, братишка.

– Ты тоже не кашляй.

Они обменялись рукопожатием, и Павел направился дальше по тропинке. В землянке его ждал командир группы «ШтурмZ».

– Как здоровье, Студент? – поинтересовался он у Новикова. – Давай, докладывай о своих приключениях.

Павел подробно доложил ему, как он и Якут оказались в тылу у украинцев, как погиб товарищ, как он пытался корректировать огонь артиллерии и что из этого получилось.

– Как ты вышел из поселка? Там же все у них пристреляно?

Новиков рассказал командиру, что вернулся все тем же путем, по которому попал в Работино. О своем ранении, о том, как его спас Айболит. Когда он замолчал, командир поблагодарил его за службу.

– Твоим подвигом заинтересовался, неожиданно для меня, Пригожин, – произнес командир. – Попросил, чтобы я встретился с тобой и доложил ему о твоей тропе. Кстати, по приказу сверху ты будешь награжден. Я уже подготовил приказ.

– Чем? Я бы и Якута награди́л бы. Он был храбрым и достойным воином. У него семья, ребенок растет. Пусть будет гордиться своим отцом.

– Это решит Пригожин.

Пожелав ему скорейшего выздоровления, командир покинул блиндаж.

Весь день Новиков провел в блиндаже. Сильно болела рана. Павел не находил себе место: он то ходил по блиндажу, то снова ложился на жесткие нары. Вечером он пошел обратно в санчасть. Заметив Ксению, он направился к ней.

– У вас не будет какого-нибудь обезболивающего? Весь день практически провел на ногах. Сильно болит рана.

– Сейчас посмотрю, что вам можно дать, чтобы снять боль, – ответила девушка и исчезла за занавеской, которой служила обычная простыня.

Павел присел на лавочку и, достав из кармана сигарету, закурил, прикрывая рукой огонек тлеющей сигареты. Где-то в небе гудел дрон, и было невозможно понять, чей он. Вскоре девушка вышла, держа в руках несколько таблеток и металлическую кружку с водой.

– Вот тебе обезболивающее и снотворное, Студент, – произнесла она, протягивая ему таблетки. – Запей водой. Воду не жале́й, ее у нас много.

Придерживаясь ее совета, он запил таблетки водой и протянул ей пустую кружку.

– Ксения! Можно вас так называть? – обратился он к ней.

– Можно, если никого нет рядом. Ты же знаешь, у нас строгие правила – ни фамилий, ни имен.

– Я это знаю, не первый день в компании.

Они присела рядом с ним. Через одежду он чувствовал ее горячее тело. Новикову вдруг очень захотелось обнять ее за плечи, но он пересилил это желание.

– Ты не куришь случайно? – спросил он девушку.

– Нет. Мне не нравится, когда курят женщины, – ответила она. – Правда, сейчас многие курят, почему-то считая, что сигарета в руках женщины делает ее более сексуальной. Но я считаю это большой ошибкой. Многие женщины курят, стараясь самоутвердиться в обществе, а мне этого не хочется. Я хочу быть просто женщиной. Любимой и единственной женщиной. Скажи, Студент, разве я неправа?

Она замолчала и посмотрела на Павла, а затем продолжила, заметив, что он не решается высказать ей свое мнение.

– А тебе, похоже, нравятся курящие женщины. Я угадала?

– Нет, не угадала. Я согласен с тобой, что женщине курить не стоит. Трудно представить красивый и нежный цветок, пахнущий табаком.

Где-то совсем недалеко, в метрах ста от них, грохнул взрыв. Яркая вспышка осветила могучие сосны. Это сбросил заряд круживший ранее над ними дрон. От этого взрыва Ксения вздрогнула и, схватив Новикова за здоровую руку, прижалась к его плечу.

– Ты знаешь, Студент, я очень боюсь этих дронов. Это правда, что они могут залетать даже в форточки?

– Все зависит от опыта оператора. У хорошего мастера – запросто.

Дверь блиндажа приоткрылась, и мужской голос позвал медсестру.

– Ладно, Студент, мне нужно идти работать. Увидимся завтра, приходи обязательно на перевязку.

– Хорошо. Приду.

Он вернулся в свою землянку и прилег на нары. Его взгляд упал на место, где еще несколько дней назад лежал Якут. Павел поднялся с места и подошел ближе. К дощатой стенке кнопкой была приколота фотография, на которой женщина держала за руку девочку лет пяти.

Это были, со слов Якута, его жена и дочка. Несмотря на то, что они не жили последние три года вместе, по всей вероятности, он продолжал их любить, а иначе не было бы их фотографии, приколотой к стене.

«Кто мог знать, Якут, что все так сложится, что для тебя поселок городского типа Работино станет последним местом твоей жизни?»— подумал Новиков.

Павел снова вернулся к своему месту и, не раздеваясь, повалился на нары. Уснул он быстро.

Кошка, лежавшая на коленях у Новикова, вдруг вздрогнула и спрыгнула на пол. Выгнув спину, она потянулась и медленно направилась к двери, за которой слышались мужские голоса. В блиндаж вошел мужчина средних лет и посмотрел на Павла.

– Командир? – спросил он Новикова и, получив ответ, протянул ему большую и сильную руку. – Гранит. Сапер.

– Студент, – представился он саперу.

Они смотрели друг на друга, пытаясь понять, кто чего стоит. Первым не выдержал взгляд Гранит, он отвел свои глаза и стал снимать со спины вещевой мешок. Павел посмотрел на часы, до сбора группы оставалось еще сорок минут.

– Ты один? – спросил сапера Новиков.

– Нет, нас двое. Товарищ курит, – ответил Гранит.—Сейчас зайдет.

Словно в подтверждение его слов, в помещение вошел молодой парень. На внешний вид ему было чуть больше двадцати лет, но держался он довольно уверенно.

– Шнур, – представился он Павлу.

– Что так смотришь, командир? Что, не нравлюсь? – улыбаясь, обратился он к Новикову.— Ты не смотри на мою внешность, у меня десятка два выхода за «ленточку». Не переживай, не подведу.

– Я не знаток мужской красоты. Мне больше нравятся женщины, – парировал его выпад Студент.

Вскоре подошли и другие бойцы. Когда все собрались, Новиков вкратце проинформировал их о задаче группы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.